

Узуальная и окказиональная фразеология в пьесах А. П. Чехова *

А. С. Бут

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН, МОСКВА

Аннотация. Статья посвящена описанию узуальных и окказиональных фразеологизмов в языке пьес А. П. Чехова. Особое внимание уделяется раскрытию функции фразеологизмов в передаче основных смыслов чеховских произведений, в репрезентации концептуального содержания художественного произведения. Фразеологические единицы (ФЕ) являются особым средством проявления языковой личности автора; они позволяют полнее описать характерные черты идиостиля А. П. Чехова, раскрыть особенности мировоззрения писателя и их соотношение с концептосферой русской культуры. В статье приведены и описаны примеры функционирования ФЕ в текстах, рассмотрен характер индивидуально-авторского варьирования ФЕ в пьесах.

Ключевые слова: узуальная фразеология, окказиональная фразеология, пьеса, А. П. Чехов.

УДК 811.161.1

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 14-28-00130 «Лингвистические технологии во взаимодействии гуманитарных наук») в Институте языкознания РАН.

Контактная информация: Бут Анна Сергеевна, кандидат филологических наук, научный сотрудник Института языкознания РАН (Большой Кисловский пер., 1/12, Москва, 125009, Россия; anna_booth@mail.ru)

В языке чеховских произведений заметное место занимает узуальная фразеология (устойчивые выражения разных типов – фразеологизмы, паремии, крылатые выражения и др.). Они являются особым средством проявления языковой личности автора, позволяют выявить характерные черты идиостиля А. П. Чехова, раскрыть особенности мировоззрения писателя и их соотношение с концептосферой русской культуры. См., к примеру, фразеологизмы: «щекотливый вопрос», «пошла плясать губерния», «с руками и ногами», «как прошлогодний снег», «как по маслу»; паремии: «Лебедев. <...> А нынешние... (Машет рукой.) Не понимаю... Ни богу свечка, ни черту кочерга. <...>», «На бедного Макара все шишки валяются», «Кошке смех, мышке слёзы»; крылатые выражения: «где оскорблённому есть чувству уголок», «что станет говорить Княгиня Марья Алексевна» (А. С. Грибоедов), «Что-то слышится родное в звонких песнях ямщика!..», «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой» (А. С. Пушкин), «А на лбу роковые слова: продается с публично торгов!» (Н. А. Некрасов), «Шабельский. <...> Я такой же мерзавец и свинья в ермолке, как все. <...>» (Н. В. Гоголь) и др.

Наряду с узуальными фразеологизмами в произведениях Чехова довольно часто встречаются окказиональные фразеологические единицы (ФЕ). Особенности их использования, а также присущее писателю словотворчество делают актуальным обращение к вопросу авторской фразеологии А. П. Чехова.

О том, что ФЕ при речевом употреблении не остаются статичными ни в формальном, ни в смысловом плане, писали многие лингвисты (см., например: [Диброва, 1979; Жуков, 1986; Мелерович, 1986] и др.). Одним из первых на «текучесть» и «неопределенность» границ ФЕ в индивидуальном употреблении указал В. В. Виноградов [1977, с. 120].

Фразеологизмам свойственны «тенденция к постоянству лексического состава и тенденция к видоизменению его» [Жуков, 1986, с. 169]. Трансформация ФЕ обусловлена их функционально-семантическими свойствами и особенностями авторского употребления в речи. Так, ФЕ, функционирующая в речи, «представляет собой совокупность разного типа вариантных форм, где переплетаются общеупотребительные и индивидуально-речевые образования, но все они возникают на базе системных отношений в языке» [Диброва, 1979, с. 64].

Н. М. Шанский отмечал, что поскольку «стилистическое использование фразеологических оборотов писателями и публицистами всегда является

творческим», то «в стилистических целях фразеологизмы могут употребляться как без изменений, так и в трансформированном виде, с иным значением и структурой или новыми экспрессивно-стилистическими свойствами» [Шанский, 1985, с. 151].

Невзирая на большое количество работ, посвященных авторскому преобразованию ФЕ, среди исследователей нет единого взгляда на классификацию трансформаций и достаточно четкой и единообразной модели классификации творческого использования ФЕ. Этот факт объясняется рядом причин: во-первых, способы модификаций достаточно многочисленны, во-вторых, приемы авторских трансформаций используются не изолированно, а часто в комбинации друг с другом.

Существование разнообразных индивидуальных модификаций ФЕ приводит к тому, что в исследованиях представлены различные модели классификаций авторских трансформаций.

Часть фразеологов все существующие разновидности творческих модификаций рассматривает обособленно, отдельно друг от друга, избегая деления способов и приемов авторских преобразований на семантические, структурно-семантические и т. п. группы. Такова, например, классификация А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского (2008).

Согласно А. Н. Баранову и Д. О. Добровольскому (авторы рассматривают только идиомы), к авторским идиомам следует относить только такие выражения, «которые либо созданы данным автором и не употребляются вне контекста его произведений, либо, будучи обычными идиомами соответствующего языка, структурно и содержательно трансформированы» [Баранов, Добровольский, 2008, с. 495]. В работе выделены типы авторского употребления идиом, которые А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский рассматривают как основание для типологии авторской идиоматики: авторские лексические модификации идиомы; авторские грамматические трансформации; авторские семантические модификации идиомы; авторские фреквенталии; авторские деархаизмы; собственно авторские идиомы [Там же].

В работах ряда авторов представлены классификации, перечисляющие виды творческих модификаций с подразделением их на две группы: изменения в семантике и изменения в форме ФЕ (см., например, исследование А. И. Молоткова [1977]).

Подробнее остановимся на классификации, предложенной А. М. Мелеровичем и В. М. Мокиенко. Исследователи выделяют разные типы авторских изменений ФЕ. Так, все индивидуально-авторские трансформации ФЕ они разделяют на семантические, т. е. «семантико-стилистические преобразования, не затрагивающие лексико-грамматическую структуру ФЕ» [1997, с. 17], и структурно-семантические – «смысловые преобразования, сопряженные с изменением лексического состава и / или грамматической формы ФЕ» [Там же, с. 23]. Авторы выделяют 4 способа семантической

трансформации: приобретение фразеологизмом дополнительного семантического оттенка; переосмысление ФЕ (изменение смыслового содержания); количественные и качественные изменения коннотативного содержания ФЕ; различные виды преобразования, основанные на образности ФЕ. Все структурно-семантические трансформации разделены на преобразования, которые не приводят к нарушению тождества ФЕ (изменение компонентного состава и расположения компонентов, переход утвердительных форм в отрицательные и наоборот и т. п.), и преобразования, в результате которых возникают окказиональные фразеологизмы.

Кроме бинарных классификаций существуют многокомпонентные классификации преобразований ФЕ. Например, в словаре «Культура русской речи» [2007] трехчленная классификация включает такие авторские типы преобразований, как изменение лексического состава при сохранении общего значения ФЕ; изменение значения ФЕ при сохранении лексического состава, но при использовании ФЕ в необычном для нее окружении; изменение лексического состава и значения ФЕ [Там же, с. 19–20].

Так, вне зависимости от узкого или широкого понимания фразеологии, положенного в основу классификации способов преобразований ФЕ, ученые сходятся в том, что следует относить к авторской фразеологии: это окказиональные варианты узуальных ФЕ и окказиональные фразеологизмы, получившиеся в результате индивидуально-авторского преобразования ФЕ.

Необходимо также отметить, что каждый писатель пользуется фразеологией по-своему. А. М. Мелерович пишет, что «системность и нормативность приемов окказионального преобразования ФЕ, выявляемая в аспектах языка и речи, сочетается с индивидуально-авторской, творческой их реализацией» [1986, с. 107].

Когда разрабатывают и создают авторский словарь, то обычно имеют в виду все типы устойчивых выражений. В авторском словаре должен отражаться, в идеале, весь фразеологический фонд языка писателя. Так, например, см. «Словарь языка Михаила Шолохова» (2005), в который составители включили не только авторскую лексику и фразеологию, но и разговорную лексику и фразеологию различных форм народной речи, хронологические пласты лексики и фразеологии, диалектную лексику и фразеологию. Особый интерес представляют авторские словари, объект описания в которых – только и исключительно устойчивые выражения, использованные писателем как в исходном, так и в преобразованном виде. См., например, словари фразеологизмов в творчестве В. М. Шукшина [Соловьева, 2004], В. С. Высоцкого [Уваров, 2007] и др. В отношении полного словаря языка А. П. Чехова скажем, что работа над такого типа словарем еще ведется, изданными на данный момент являются разного рода частотные словари, см. «Частотный словарь рассказов А. П. Чехова» [Гребенников, 1999] и «Частотный грамматико-семантический словарь языка худо-

жественных произведений А. П. Чехова с электронным приложением» [2012].

В текстах А. П. Чехова много придуманных им выражений, которые используются в речи или текстах других авторов. Например, в письме (к старшему брату Ал. П. Чехову 11 апреля 1889 г.) А. П. Чехов излагает свои требования к новой драме, в числе которых было: «Краткость – сестра таланта» [Чехов, 1976, П III, с. 188]. В «Большом словаре русских пословиц» зафиксирована эта единица с пометой «афоризм А. П. Чехова» [Мокиенко и др., 2010, с. 450]. Или реплика Лопахина из пьесы «Вишнёвый сад», ставшая впоследствии крылатым выражением: «Всякому безобразию есть своё приличие» [Чехов, 1978, С XIII, с. 226].

Понять, является ли тот или иной фразеологизм в тексте А. П. Чехова авторским и принадлежит ли вариант фразеологизма писателю, позволяет диахронический анализ и обязательная сверка с максимально полными фразеологическими словарями. Заметим, что в целях сравнения языковых данных и подтверждения выводов необходимо проводить поиск в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ). Максимальный охват языкового материала и возможность сопоставления текстов различных авторов и разного времени служат надежности полученных результатов.

Так, в одноактной пьесе «Медведь» помещик Смирнов употребляет фразеологизм *вылететь в трубу вверх ногами*:

Смирнов. А у меня теперь такое настроение, что если я завтра не заплачу процентов, то должен буду *вылететь в трубу вверх ногами*. У меня опишут имение! [Чехов, 1976, С XI, с. 299].

В данной реплике мы видим пример контаминации ФЕ, приема окказионального преобразования ФЕ, когда происходит объединение нескольких фразеологизмов. Так, в окказиональном фразеологизме представлены все узуальные фразеологизмы полностью, без опущения компонентов: *вылететь в трубу* ‘совершенно разориться на каком-нибудь неудачном деле, предприятии, в результате проигрыша’ [ФСРЛЯ, 1997, с. 121], ‘разориться, обанкротиться’ [Мокиенко, Никитина, 2008, с. 671], ‘совсем разоряться, оставаться без денег’ (несов. в.) [ФСРЯ, 1978, с. 91], ‘разориться’ [Бирх и др., 1998, с. 574] и *вверх ногами* ‘в перевёрнутом, опрокинутом положении; перевернув, опрокинув, поставив и т. п. низом вверх’ [ФСРЯ, 1978, с. 56], ‘низом вверх; в перевёрнутом положении’ [БФСРЯ, 2006, с. 105]. (Ср. с *вверх тормашками* ‘кувырком, через голову, вверх ногами’ [Мокиенко, Никитина, 2008, с. 667], ‘в перевёрнутом, опрокинутом положении; перевернув, опрокинув, поставив и т. п. низом вверх’ [ФСРЯ, 1978, с. 57], ‘кверху ногами, в опрокинутом положении’ [БФСРЯ, 2006, с. 103]).

Значение данного окказионального фразеологизма формируется в результате суммирования репрезентированных узуальных ФЕ. Так, ФЕ *вы-*

лететь в трубу 'разориться' и ФЕ *вверх ногами*, «содержащая пространственную метафору, в которой «неправильное» расположение предмета в пространстве или на плоскости, нередко искажающее его суть или делающее его непригодным к использованию, уподобляется «перестановке» местами его верхней и нижней части» [БФСРЯ, 2006, с. 105], позволяют сформулировать общее толкование для окказиональной ФЕ 'разориться и потерпеть полный крах'.

Данный окказиональный фразеологизм обладает повышенной экспрессивностью, что дополняет речевую характеристику чеховского Смирнова и создает особый стилистический эффект (эффект каламбура).

Из этой же пьесы приведем другой пример окказионального фразеологизма:

Смирнов. <...> Нет, какова логика! Человеку нужны до зарезу деньги, впору вешаться, а она не платит, потому что, видите ли, не расположена заниматься денежными делами!.. Настоящая женская, *турнирная логика!* <...> [Чехов, 1976, С XI, с. 301-302].

В данном примере мы видим, что на базе узуальной ФЕ была образована окказиональная ФЕ посредством замены компонента. Так, достаточно привычная в функционировании и зафиксированная во фразеологическом словаре ФЕ *женская логика* 'суждения, основанные не на доводах рассудка, а на чувстве, отличающиеся отсутствием строгой логичности' [ФСРЛЯ, 1997, с. 356] приобретает иной вид – *турнирная логика*. Окказиональная замена компонентов осуществляется на основе семантического сходства коррелятов, которая в данном примере произошла на основе актуализации гиперо-гипонимической связи фразеологического компонента и свободно-го слова. Слово *турнирная* соотносится со словом *женская* как гипоним и гипероним на основе метонимического переноса, при котором актуализируются различные ассоциации и возникает семантическое сходство фразеологического компонента и заместителя. См. слово *турнир*, предмет исключительно женского гардероба: «модная в конце 19 в. принадлежность женского туалета в виде подушечки, подкладываемой под платье сзади ниже талии для придания фигуре пышности» [МАС, 1988, Т. 4, с. 428].

В пьесе «Иванов» доктором Львовым употребляется образное выражение – фразеологизм *свиное гнездо*. См.:

Анна Петровна. <...> И начинаю я также удивляться несправедливости людей: почему на любовь не отвечают любовью и за правду платят ложью? Скажите: до каких пор будут ненавидеть меня отец и мать? Они живут за пятьдесят верст отсюда, а я день и ночь, даже во сне, чувствую их ненависть. А как прикажете понимать тоску Николая? Он говорит, что не любит меня только по вечерам, когда его гнетет тоска. <...> Какие у меня страшные мысли!.. <...>

Львов. <...> Нет, я... я удивляюсь, удивляюсь вам! Ну, объясните, рас- толкуйте мне, как это вы, умная, честная, почти святая, позволили так нагло обмануть себя и затащить вас в это *совиное гнездо*? Зачем вы здесь? Что общего у вас с этим холодным, бездушным... но оставим вашего мужа! – что у вас общего с этою пустою, пошлою средой? <...> Объясните же мне, к чему вы здесь? Как вы сюда попали?.. [Чехов, 1978, С XII, с. 21].

ФЕ *совиное гнездо* ни в словарях, ни в произведениях других авторов чеховского периода не обнаруживается (в том числе, по данным НКРЯ), тем самым данная ФЕ может считаться авторским фразеологизмом.

Возможно, чеховское выражение является окказиональным вариантом узуальной ФЕ *осиное гнездо*, когда «в той или иной степени меняется компонентный состав» [Баранов, Добровольский, 2008, с. 496]. В данном случае произошло преобразование фразеологизма *осиное гнездо* ‘о жилище, скопище общественно вредных, опасных людей’ [ФСРЛЯ, 1995, с. 144; Мокиенко, Никитина, 2008, с. 132], ‘общество злобных людей, тревожить которое небезопасно’ [Бирих и др., 1998, с. 116].

Не останавливаясь на сказанном, рассмотрим образ чеховского фразеологизма на том культурном фоне, о котором писала В. Н. Телия. Думается, что в основе его внутренней формы есть связь с ФЕ *дворянское гнездо* ‘о русской помещицкой усадьбе, где живут патриархально, по старинному семейному укладу’ [Там же]. См. произведения И. С. Тургенева, М. Е. Салтыкова-Щедрина, И. А. Гончарова, Л. Н. Толстого и др. Понятие «дворянское гнездо», возникнув как наименование жилья (компонент *гнездо* ‘жильё’ [Михельсон, 1997, с. 201]), впоследствии стало отражением судьбы рода, семьи (иногда нескольких поколений). Поскольку «ключевые слова-компоненты фразеологизма изначально являются знаками вербального кода культуры» [Ковшова, 2016, с. 175], отметим, что компонент *гнездо* указывает на то, что в этом выражении заложена идея объединения, сплочения близких и родных людей.

В образе фразеологизма А. П. Чехова компонент *осиное* преобразован на *совиное* не только и не столько из-за созвучия этих слов, сколько для выражения важнейших смыслов, созвучных чеховскому видению разрушающихся *дворянских гнёзд*, в которых люди не живут, а спят. При общем сохранении семантики ‘скопище вредных, опасных людей’ к смыслу выражения *совиное гнездо* добавляется типично чеховская семантика пустоты, пошлости среды, в которой оказывается героиня пьесы «Иванов». Поскольку сова как хищная птица, ведущая сумеречный и ночной образ жизни, в мифологии олицетворяет силы тьмы и символизирует запустение, уединение и др., компонент *совиное* позволяет сформулировать значение ФЕ *совиное гнездо* как ‘объединение исполненных злобы по отношению друг к другу и враждебно настроенных людей’. Ср. *осиное гнездо* ‘о скопище неприятных, исполненных злобы по отношению друг к другу или общественно вредных, враждебно настроенных людей, об их жилище, ме-

стонахождении и т. п.' [МАС, 1986, Т. 2, с. 646]. Таким образом, при анализе авторской фразеологии особенно необходима «интерпретация собственно языковых знаков (в частности – фразеологизмов) в содержательном пространстве этих культурных знаков» [Телия, 1996, с. 253].

Речь чеховских героев полна фразеологии, в том числе такой, которую принято исследовать как дискурсивные элементы. Так, в пьесе «Вишнёвый сад» одним из ярких второстепенных героев является Епиходов. Характеристикой образа героя становятся особенности его речи, которая избыточно витиевата и запутана лишними оборотами. Приведем пример реплики Епиходова:

Епиходов. Несомненно, может, вы и правы. (*Вздыхает.*) Но, конечно, если *взглянуть с точки зрения, то вы, позволю себе так выразиться, извините за откровенность, совершенно привели меня в состояние духа.* Я знаю свою фортуна, каждый день со мной случается какое-нибудь несчастье, и к этому я давно уже привык, так что с улыбкой гляжу на свою судьбу. Вы дали мне слово, и хотя я... [Чехов, 1978, С XIII, с. 237].

В данном случае произошла метаязыковая модификация ФЕ – метаязыковые заставки, или метакоммуникативное обрамление ФЕ (по Д. О. Добровольскому, Н. В. Любимовой), указывают на «некую смену кода, т. е. говорящий вставляет их [метаязыковые заставки] перед употреблением иностилевых или несвойственных ему слов и выражений» [Дронов, 2015, с. 139].

Приведенные примеры показывают, что в чеховских текстах присутствует окказиональная фразеология – ФЕ, которые были подвержены индивидуально-авторской обработке (замена или добавление компонентов, создание фразеологических единиц на базе уже существующих в языке и др.). Анализ авторской фразеологии для исследователей художественного текста представляет значительный интерес, поскольку передает представление писателя о мире и необходим для создания авторских словарей, которые «отражают в своей основной массе языковое сознание, языковую картину мира отдельной творческой личности» [Шестакова, 2011, с. 31]. В настоящее время наблюдается повышенный интерес к идиоглоссариям классиков русской литературы, в связи с чем описание авторской фразеологии А. П. Чехова позволит приблизиться к созданию соответствующего по жанру словаря языка этого выдающегося писателя.

Список литературы

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.

Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 704 с.

БФСРЯ – Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В. Н. Телия. М.: АСТ-Пресс книга, 2006. 784 с.

Виноградов В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Виноградов В. В. Лексикология и лексикография. Избр. тр. М.: Наука, 1977. С. 118–140.

Гребенников А. О. Частотный словарь рассказов А. П. Чехова / Сост. А. О. Гребенников; под ред. Г. Я. Мартыненко. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 172 с.

Диброва Е. И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1979. 192 с.

Дронов П. С. Общая лексикология. М.: Языки славянской культуры, 2015. 224 с.

Жуков В. П. Русская фразеология. М.: Высш. шк., 1986. 310 с.

Ковишова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. 3-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2016. 456 с.

Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. 2-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2007. 840 с.

МАС – Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1985–1988.

Мелерович А. М. К вопросу о системной обусловленности индивидуально-авторских преобразований семантической структуры фразеологических единиц // Фразеологизмы в системе языковых уровней: Сб. науч. тр. Л.: Изд-во ЛГПИ, 1986. С. 104–113.

Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Введение // Фразеологизмы в русской речи. Словарь. М.: Русские словари, 1997. С. 3–44.

Михельсон М. И. Русская мысль и речь: своё и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: В 2 т. М.: ТЕРРА, 1997. Т. 1. 800 с.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 784 с.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1024 с.

Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка. Л.: Наука, 1977. 284 с.

Соловьева А. Д. Фразеологический словарь языка В. М. Шукшина // Творчество В. М. Шукшина: Энциклопедический словарь-справочник / Науч. ред. А. А. Чувакин. Барнаул, 2004. Т. 1: Филологическое шукшино-

ведение. Личность В. М. Шукшина. Язык произведений В. М. Шукшина. С. 207–330.

Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.

Уваров Н. С. Фразеологизмы в творчестве Владимира Высоцкого: Опыт словаря: Около 4 500 фразеопотреблений. Омск: Изд-во ОмГПУ; Издательский дом «Наука», 2007. 536с.

ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4 000 словарных статей / Сост. Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Фёдоров; под ред. А. И. Молоткова. 3-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1978. 534 с.

ФСРЛЯ – Фразеологический словарь русского литературно языка: В 2 т. / Сост. А. И. Фёдоров. Новосибирск, 1995. Т. 1: А–М. 391 с.

Частотный грамматико-семантический словарь языка художественных произведений А. П. Чехова с электронным приложением / О. В. Кукушкина, Е. В. Суровцева, Л. В. Лапоница, Д. Ю. Рюдигер; под общ. ред. А. А. Поликарпова. М.: МАКС Пресс, 2012. 571 с.

Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. М., 1974–1983.

Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. М., 1974–1982.

Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. М.: Высш. шк., 1985. 160 с.

Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография: теория, история, современность. М.: Языки славянских культур, 2011. 464 с.

Article metadata

Title: Usual and occasional phraseology in Anton Chekov's plays

Author: A. S. But

Author's e-mail: anna_booth@mail.ru

Author affiliation: Institute of Linguistics of RAS

Abstract. Set expressions and idioms of various types are a significant part of Chekhov's oeuvre. They are a peculiar means of manifestation of the author's linguistic persona which allow to disclose the peculiarities of individual style and certain aspects of Chekhov's world view, as well as to see how the latter coincide with the Russian sphere of concepts. Alongside with the usual phraseologisms, transformed ones are quite typical for Chekhov's writings. The way they are used, as well as the word coinage so typical of Chekhov make the study of his transformed phraseology a very topical issue. Alongside with usual phraseologisms, Chekhov's plays are quite rich in transformed phraseological units (PUs). The way they are used, as well as the linguistic creativity

which is quite typical of Chekov, make this study of his authorial phraseology a topical one.

Key terms: usual phraseology, occasional phraseology, play, Anton Chekov.

Reference literature (in transliteration):

Baranov A. N., Dobrovol'skij D. O. Aspekti teorii frazeologii [Aspects of the theory of phraseology]. M., 2008. 656 s.

Birih A. K., Mokienko V. M., Stepanova L. I. Slovar russkoj frazeologii. Istoriko-etimologicheskij spravocnik [Dictionary of Russian phraseology. Historico-etymological referencebook]. SPb., 1998. 704 s.

BFSRYa – Bolshoy frazeologicheskij slovar' russkogo yazika. Znachenie. Upotreblenije. Kulturologicheskij kommentarij / Otv. red. V. N. Teliya [Large phraseological dictionary of Russian language. Meaning. Usage. Culturalogical commentary / Ed. V. N. Teliya]. M., 2006. 784 s.

Vinogradov V. V. Osnovnie ponyatiya russkoj frazeologii kak lingvisticheskoj discipline [The Major concepts of Russian phraseology as linguistic discipline // Vinogradov V. V. Leksikologiya i leksikografiya [Lexicology and lexicography]. M., 1977. S. 118–140.

Grebennikov A. O. Chastotnij slovar' rasskazov A. P. Chekhova [Frequency dictionary of Chekhov's short stories]. SPb, 1999. 172 s.

Dibrova E. I. Variantnost' frazeologicheskikh edinic v sovremennom russkom yazike [Variety of phraseological units in modern Russian]. Rostov-na-Donu, 1979. 192 s.

Dronov P. S. Obshaya leksikologiya [General lexicology]. M., 2015. 224 s.

Gukov V. P. Russkaya frazeologiya [Russian phraseology]. M., 1986. 310 s.

Kovshova M. L. Lingvokulturologicheskij metod vo frazeologii: Kodi kulturi [Linguoculturological method in phraseology: cultural codes]. M., 2016. 456 s.

Kultura russkoj rechi: Enciklopedicheskij slovar'-spravocnik / Pod red. L. Ivanova, A. Skovorodnikova, E. Shiryaeva etc. [Culture of Russian speech: encyclopedic reference dictionary]. M., 2007. 840 s.

MAS – Slovar' russkogo yazika: V 4 t. M.: Russkij yazik, 1985–1988. T. 2 [Dictionary of Russian language]. K-O. 1986. 736 s.

Meleroich A. M. K voprosu o sistemnoj obuslovlennosti individualno-avtorskih preobrazovanij semanticheskoi strukturi frazeologicheskikh edinic [To the question of systemic causality individual authors' transformations of semantic structure of phraseological units] // Frazeologismi v sisteme yazikovih urovnej [Phraseological units in the system of language levels]. L., 1986. S. 104–113.

Meleroich A. M., Mokienko V. M. Vvedenije [Introduction] // Frazeologismi v russkoj rechi. Slovar' [Phraseological units in Russian speech. Dictionary]. M., 1997. S. 3–44.

Mihelson M. I. Russkaya misl' i rech': Svoe i chuzhoe: Opit russkoj frazeologii: Sbornik obraznich slov i inoskazanij: V 2 t. T. 1 [Russian thought

and speech. Own and their: experience of Russian phraseology; collection of image words and allusions]. M., 1997. 800 s.

Mokienko V. M., Nikitina T. G. Bolshoj slovar' russkih pogovorok [Large dictionary of Russian proverbs]. M., 2008. 784 s.

Mokienko V. M., Nikitina T. G., Nikolaeva E. K. Bolshoj slovar' russkih poslovic [Large dictionary of Russian proverbs]. M., 2010. 1024 s.

Molotov A. I. Osnovi frazeologii russkogo yazika [Basics of phraseology of Russian language]. L., 1977. 284 s.

Solovjeva A. D. Frazeologicheskij slovar' yazika V. M. Shukshina [Phraseological dictionary of Shukshin V. M.] // *Tvorchestvo V. M. Shukshina: Enciklopedicheskij slovar-spravochnik* [Works of V. M. Shukshin: encyclopedic dictionary]. Barnaul, 2004. T. 1. S. 207–330.

Teliya V. N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokulturologicheskij aspekti [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects]. M.: Yaziki russkoj kulturi, 1996. 288 s.

Uvarov N. S. Frazeologizmi v tvorcestve V. Vysotskogo: Opit slovarya: Okolo 4 500 frazopotreblenij [Phraseological units in works by V. Vysotskiy: an attempt of creating a dictionary : 4500 usages]. Omsk, 2007. 536 s.

FSRYa – Frazeologicheskij slovar' russkogo yazika: Svishe 4 000 slovarnih statej / pod red. A. I. Molotkova [Phraseological dictionary of Russian language; 4000 entries / ed. Molotov]. M., 1978. 534 s.

FSRLYa – Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo yazika: v 2 t. / Sost. A. I. Fedorov [Phraseological dictionary of Russian fiction language]. Novosibirsk, 1995. T. 1: A. M. 391 s.

Chastotnij grammatiko-semanticheskij slovar' yazika khudozhestvennikh proizvedenij A. P. Chekhov s elektronnim prilozheniem / O. Kukushkina, E. Surovceva, L. Laponina, D. Rudiger; Pod. obshej redakciej A. Polikarpova [Frequency dictionary of Chekhov with electronic supplement]. M., 2012. 571 s.

Chekhov A. P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. Pisma: V 12 t. [Collected works]. M., 1974–1983.

Chekhov A. P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. Sochineniya: V 18 t. [Collected works]. M., 1974–1982.

Shanskij N. M. Frazeologija sovremennogo russkogo yazika [Phraseology of modern Russian language]. M., 1985. 160 s.

Shestakova L. L. Russkaya avtorskaya leksikografija: teoriya, istoriya, sovremennost' [Russian authors' lexicography: theory, history, present time]. M., 2011. 464 s.